

ПОЛЮБИТЬ ЗРИТЕЛЯ!

ЗАМЕТКИ РЕЖИССЕРА

В ОДИН из зимних вечеров (будто бываю здесь у нас летние!) по окончании спектакля ко мне в кабинет зашел знакомый штурман с корабля Дальневосточного пароходства. Недавно он «торчал» во льдах у Сахалина. Пробился... Сейчас шел в Магадан из Беринговского. Короткую стоянку в бухте Нагаево он отметил «вылазкой» в театр. Утром начнется новый переход — во Владивосток. Каждый зимний рейс — для него испытание льдом, экзамен на мужество. Но сегодня вечером он не думает ни о чем, кроме театра.

Расставаясь, штурман вручил мне сверток.

— Это нам понравится, — сказал он.

Разглядывая моржоний клык, оставленный им, я тревожно размышлял об этой встрече. Чукотский сувенир, дар северного моря, обретенный в Узле, был прост и прекрасен, содержателен и необычен, как всякое незнакомое явление искусства. И говорил сам за себя. А вот о «Трехгрошовой опере» Б. Брехта, на которую волею случая попал мой штурман, он так ничего и не сказал...

Проповид гостя, я остановился у естественной бюллетени «Кресло № 13». Бюллетени предлагал вопросы зрителям, сидящим на спектакле в любом ряду в кресле № 13. На этот раз интервью давали работник Магаданской прокуратуры, педагог одной из школ и гость из Москвы, сотрудник какого-то Главка. Суждения высказывались темпераментно и были взаимоисключающими. Москвич с одобрением отзывался о Брехте и спектакле, а работник прокуратуры придерживался резко противоположной точки зрения.

На постановку было затрачено много сил, и критический, неприменный отзыв огорчал. А в сопоставлении с первым он казался еще и загадочным: пойми пойми, почему одному нравится, а другому — нет. Что греха таить, то, что доводило оказался москвич, воодушевивший и подбадривавший: все-таки человек, должно быть, много повидавший в столичных театрах. Но вдруг снова вспомнился мой штурман, мой зритель, один из тех, для кого и создан более тридцати лет назад этот театр, и уже в который раз припи-

лось задуматься над тем, чего он ищет в театре, что полует его.

Гастрольные маршруты нашего Музыкально-драматического театра имени Горького пролегают по Золотой, как ее называют здесь, трассе Колымы, воздушные пути Чукотки, воды Охотского, Японского морей и Тихого океана, Камчатка, Сахалин, Приморье — вот наши гастролы. Здесь, на заснеженном меридиане меняются не только координаты времени, но и условия, и формы работы со зрителем. Он становится ближе, приобретает черты лично знакомого тебе человека. Одновременно как нечто личное воспринимается и стремление удовлетворить его запросы.

Местные социологи утверждают, что средний возраст человека, живущего на Крайнем Северо-Востоке, то есть в районе Колымы и Чукотки, — 28 лет. «Двадцатипятилетние» осуществляют сегодня небывалое по размаху и настойчивости вторжение в северные недра нашей Родины. И вместе с полезными ископаемыми добываются здесь мужество, воля, масштабности характера, выработанные бесценные качества души человеческой. Формируется новый тип человека, который мог бы удовлетворить самым строгим и высоким стандартам времени. Ежедневно и ежедневно проходит он суровое испытание Севером. В голубых льдах и бескрайней тундре, на золотых полигонах и на воздушных трассах его окружают, напоминают о себе, имена Дежнева, Беринга, Черского, Билибина, Мандрикова, Верзины, первооткрывателей и первооткрывателей, имена смелых и честных, больших людей.

Но как непохож этот «двадцатипятилетний» на своих предшественников. Авиация, радио, телевидение сделали его своим человеком и в Москве, Ленинграде, Киеве. В программу своего отпуска он непременно включает посещение лучших театров этих городов. И значит, составляет их с тем, что идет в нашем Музыкально-драматическом имени Горького.

После пяти проведенных здесь сезонов у меня сложилось твердое убеждение, что у северного зрителя художественные критерии, эстетические запросы находятся в тесной

связи с необычным северным укладом его жизни. Объяснить причину этого явления — вероятно, задача и психологов. Я могу рассказать только о личных своих наблюдениях и о личных бедах.

Пять лет назад, когда я только начинал работать на северной сцене, мне больше всего хотелось быть «сопременным», предъявить своим новым зрителям лекции новый театралыный стандарт, которым в те годы были захвачены многие. После удачного дебюта вполне «традиционной» «Королевы красоты» А. Цоникова, постановки, которая впервые за долгие годы породила в Магадане проблему «лишнего билетника», я решил, что зритель завоеван и настала пора его «сопременить». В «Героико-Горыштинскую» Ж. Оффенбаха было вложено немало труда и приобретательности режиссера и художника. По детская шпилька с игрушечными кубиками, актеры, скачущие пером на палочке, оказались забавными только для нас самих и не заинтересовали зрителей. Позднее нечто подобное произошло с «Божественной комедией» Н. Штока. О «Трехгрошовой» я уже говорил...

Я попробовал обидеться на своего магаданского зрителя, был уверен, что в большом театральном городе эти спектакли прошли бы отлично. Придумалась даже некая доминирующая теория о реке искусства, текущей с нашего запада на восток. Воды этой реки, рожденные где-то в Москве и Ленинграде, в силу огромного расстояния приходят на Дальний Восток позднее. Следовательно, «они», зрители, просто еще не созрели для восприятия зрелища с необычными условиями игры в такой степени, как созрели на материке...

Но живое общение с нашими зрителями начисто опровергло эту спасительную, но с явным привкусом снобизма теорию.

Сложно театру отдаться исследованию и обожанию масштабного человеческого характера, а не формальным изыскам, как тот же как будто равнодушный зритель глубоко переживал все происходящее на сцене.

В еще большей мере тяга к ярко эмоциональному проявилась в том, как принимал этот зритель музыкальные спектакли. Я знаю: все еще будет взгляд, я сам когда-то подвержен был ему, что оперетта — искусство для очень искушенного зрителя. В Магадане любят музыкальные спектакли. Но аншлаги на них обесценивает не только и не столько неискушенность в большом искусстве местная молодежь, сколько зрители с немалым театральным опытом, люди с образованством и вкусом. И причина этого не только в том, что театру удалось подобрать настоящую «коллекцию» великолепных актеров, но и в самой специфиче музыкальной пьесы, как правило, открыто эмоциональной и страстной.

Параллельно со спектаклями у нас в малом зале идут литературно-музыкальные вечера. Магаданцы встретили эти вечера с воодушевлением. Афиша литературного театра предлагала любителям поэзии созданные нами музыкально-драматические композиции «Сергей Есенин», «Я люблю такую поэзию», «Песня, собранная в кулак», «С тобой и без тебя». Сейчас мы готовим моноспектакль «Сонаты свободы и любви». В дни ленинского юбилея состоялась премьера поэтической композиции «Самые голубые льды» — по стихам магаданских и чукотских поэтов.

Интересно отметить, что спектакли эти, требующие для полноценного восприятия определенной зрительской культуры, ни в малейшей мере не отпугивают зрителей.

Чем объясняется такое противоречие? Почему одна условность оказывается чуждой зрителю, а другая — близкой и понятной? Ему? Мне представляется, что дело в основном: в самом содержании спектакля, в том, что поэтический круг мыслей, страстей, чувств, заложенный в лучших образцах современной поэзии, более созвучен мироощущению нашего человека, чем содержание некоторых драматических произведений.

Современная пьеса, к сожалению, не всегда обладает той спрессованной эмоциональностью, тем зовом к подвигу, которые мы находим в лучших сегодняшних стихах. Молное сегодня подчеркиваю «режиссерское» истолкование драматического произведения силой и рядом связано с попытками (иногда насильственными) выявить в драматическом произведении его поэтическое, эмоциональное зерно. Делать это нужно, но, по правде говоря, порой надоедает иметь дело с материалом, который необходимо преодолеть, укрупнить и поэтизировать. Тоска по драматургии-единомышленнику, влюбленному в жизнь, в людей, творящих ее, — может быть, самое глубокое чувство нашего театра.

Я понимаю, что эти сетования не новы. Но, право же, только здесь, на Севере, можно ощутить особенно остро, насколько сегодняшний зритель нуждается в хорошей пьесе. И невооруженным глазом видно, как интенсивно Север формирует людей с ярко выраженной индивидуальностью, с глубоким и многообразным интересом к жизни. И для меня абсолютно ясно, что этот человек ищет в искусстве образы людей, близких ему по духу, по широте характера, незаискусственного и смелого. Образы людей творческих, с ярко выраженным мажорным настроением.

А мы (увы!) зависим от драматургии, от пьесы, которую постоянно ждем.

В. ЛЕВИКОВСКИЙ,
главный режиссер Магаданского музыкально-драматического театра имени А. М. Горького.
МАГАДАН.